

ЕВРОПА В РУССКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ
ПУБЛИЦИСТИКЕ XIX ВЕКА:
КАРАМЗИН – ДОСТОЕВСКИЙ – ДАНИЛЕВСКИЙ

ГЕОРГИЙ ПРОХОРОВ

Государственный социально-гуманитарный университет
Филологический факультет
Кафедра литературы
ул. Зеленая, д. 30, 140415, г. Коломна Московской области, Россия
e-mail: hoshea.prokhorov@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4652-8698>
(получено 27.08.2019; принято 17.09.2019)

Abstract

**Europe in Russian Conservative Journalism of the 19th Century:
Karamzin – Dostoevsky – Danilevsky**

Images of Europe constructed by Nikolay Karamzin, Fyodor Dostoevsky and Nikolay Danilevsky are the focus of this paper. Their views express not so much the desire for Russia's isolation from Europe, but the opposition to the process of Europeanization that actually took place. Both Karamzin and Dostoevsky refuse to see Europe as a 'battery' charged with progressive norms and forms. In the writers' view, Europeanization is inextricably linked with the Enlightenment, which lies in humanism and the development of human potential, and not in tracing the achievements of scientific progress and technology. The writers do not criticize Europe as such, but the reduction of the Enlightenment to the external European facade of formal norms and technologies. The 19th century Russian conservatism actively deals with the concept of Europe and is involved in the search of positive aspects of Russian-European interaction.

Key words: Russian conservative movement, 19th century, journalism, Russian and Europeans

Резюме

В центре настоящей статьи – образы Европы в публицистике Николая Карамзина, Федора Достоевского и Николая Данилевского, трех знаковых фигур русского консерватизма XIX века. Их воззрения выражают не столько стремление к изоляции от Европы, сколько оппонирование тому процессу европеизации, что имел место в действительности. Для Карамзина и Достоевского Европа не «аккумулятор», заряженный готовым набором всевозможных норм. В их представлении европеизация неразрывно связана с Просвещением, которое заключено в гуманизме и развитии человеческого потенциала, а не в кальке достижений научного прогресса и технологий. Протест публицистов вызывает не Европа сама по себе, а редукция Просвещения к калькированию внешнего европейского фасада формальных норм и технологий. Русский консерватизм активно работает понятием Европа и пытается проговорить положительные аспекты русско-европейского взаимодействия.

Ключевые слова: русский консерватизм, XIX век, публицистика, Россия и Европа, русский европеец

Россия и Европа – тема бесконечная: принадлежит ли Россия к Европе или она – отдельный мир? где генезис России – в Европе, Азии или, быть может, в Монголии? (Bilington 1970; Baron 1986; Raeff 1986; Okenfuss 1995; Figes 2002; Freeze 2009: 13–30; Трубецкой 1925). Вопросы появились еще на заре Нового времени (Possevino 1977; Fletcher 1591) и с тех пор не перестают быть средоточием подчас ожесточенных полемик. Какая бы позиция ни была нам ближе, мы обнаружим, как минимум, три попытки «ввести» Россию в Европу – во времена Смуты XVII века, Реформ Петра Великого и на рубеже XX–XXI вв. (Ивахненко 1999). Все они обладали многообещающим началом, но обернулись погружением в глубокую конфронтацию. Почему конфронтация столь неизбежно следует за попытками глубокой интеграции?

Русское общество – как известно и очевидно – разделено на две глубоко неравные фракции – западников (меньшинство) и славянофилов (большинство), если использовать терминологию XIX века¹. Обычно про-европейские

¹ Ср. материалы опросов о желаемом пути развития России, проводимых Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Фондом Общественное мнение (ФОМ), Левада-центром: У России должен быть особый путь / Фонд Общественное мнение. 18.06.1999. (Online) https://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/glob_a/of19992402 (доступ 13.10.2019); Россия не Запад. РБК [Газета]. 07.04.2014. (Online) <https://www.rbc.ru/newspaper/2014/04/07/56bf02ab9a7947299f72d2ca> (доступ 13.10.2019); Большинство россиян хотят, чтобы Россия шла по собственному пути. *Известия*. 21.04.2015. (Online) <http://izvestia.ru/news/585677> (доступ: 13.10.2019); Россия и мир: [Пресс-релиз] / Левада-Центр. 30.01.2017. (Online) <https://www.levada.ru/2017/01/30/rossiya-i-mir-2/> (доступ 13.10.2019); Россияне стали дружелюбными неевропейцами: [Пресс-релиз] / Левада-Центр. 10.09.2019. (Online) <https://www.levada.ru/2019/09/10/rossiyane-stali-druzhelyubnymi-neeuropejtsami/> (доступ 13.10.2019).

чувства связывают с западниками, представляя оппозирующую им группу как анти-европейских консерваторов, живущих по древнерусскому принципу «чем западнее – тем грешнее» и мечтающих об изоляции. Однако реальный социокультурный ландшафт России никогда не был столь прост. Более того, можно отметить примечательный факт: наиболее эталонные деятели русского консерватизма XIX века – А.С. Хомяков, семейство Аксаковых, А.Ф. Гильфердинг, И.В. Киреевский, С.П. Шевырев, Н.П. Гиляров-Платонов – по своему образованию, кругу чтения, культуре были европейцами и, похоже, сами чувствовали себя внутри европейского континуума. Их «агенда» на европейском направлении остается в какой-то мере недооцененной. Между тем, проблема, почему Россия и Европа не могут найти общий язык, была замечена русскими консерваторами и интересовала их отнюдь не ради поиска различий.

Я обращусь к трем образам Европы, сформулированным русским поэтом, писателем и историком Николаем Карамзиным, писателем Федором Достоевским и социологом, журналистом, радикальным анти-дарвинистом Николаем Данилевским – автором одного из самых влиятельных и пессимистических трактатов *Россия и Европа* (1871). Три взгляда высвечивают влиятельные позиции русских консерваторов о Европе, при том что, конечно же, в стороне остаются такие фигуры, как семейство Аксаковых, Алексей Хомяков, Иван Киреевский, Степан Шевырев, Никита Гиляров и т.д. Кстати, о Гилярове стоит сказать чуть подробнее. Один из столпов русской консервативной мысли, он же – один из самых либеральных цензоров Московского цензурного комитета, который дозволил к печати *Горе от ума* Грибоедова, *Юлия Цезаря* Шекспира в переводе Карамзина... Профессор Московской духовной академии, преподающий предмет о ересьях и расколах, он сокрушался о закате латыни в русских школах, отрезающем русских религиозных мыслителей от единого европейского континуума. На просьбу составить рецензию на студенческое сочинение *На ересь католицизма* он написал ироничный текст, доказывающий, что сама постановка вопроса некорректна и невозможна для серьезного сочинения. В XIX веке русский консерватизм был скорее не единым течением, а плавильным котлом разных идей. И одним из значимых концептов в нем была проблема «русского европейца».

Обратимся к воззрениям Николая Карамзина – творца русской научной истории, первого переводчика Шекспира на русский язык (трагедия *Юлий Цезарь*), создателя *Пантеона иностранной словесности*, в конечном счете – родоначальника самой формулы «русский европеец».

Литературная репутация Карамзина связана с примечательным травелогом, *Письмами русского путешественника*, который по своей форме в какой-то мере озвучивает *Сентиментальное путешествие* Лоуренса Стерна (Канунова 1975: 258–264). В значительной мере автобиографическое повествование выстроено вокруг фигуры русского, который путешествует через всю Европу из Москвы в Лондон и назад, переживая Европу как свой единственный дом. Впрочем, в дальнейшем я сконцентрируюсь на совершенно ином тексте Карамзина – *Записке о Старой и Новой России* (1811). Здесь Карамзин, кажется, делает радикальный поворот к консерватизму, выставляя абсолютизм в качестве крае-

угольного камня русского государства: «Самодержавие есть Палладиум России: целость его необходима для ее счастья» (Карамзин 1861: 143).

Карамзин атакует предложения Михаила Сперанского – одно за другим, реформу за реформой. Но атакует ли Карамзин эти предложения как чужеродные, потому что они пропитаны европейским духом? Критику вызывает заимствование нововведений из Франции, которой на тот момент правил Наполеон, для Карамзина и для многих – узурпатор, с которым Россия была на пороге войны:

(...) Conseil d'Etat, Secretaire d'Etat, Senat Conservateur, Ministres de l'Interieur, de la Justice, des Finances, de l'Instruction publique, de la Police, des Cultes; правда, что Екатерина II не имела ни сих правительств, ни сих чиновников. Но где видим гражданское общество, согласное с истинною целию оною, – в России ли при Екатерине II, или во Франции при Наполеоне? Где более произвола и прихотей самовластия? Где более законного, единообразного течения в делах Правительства? (Karamzin 1861: 79)

В тексте нет нападок на Европу. Наоборот, Карамзин пишет о России как об органичной ее части: «(...) На развалинах владычества Римского основалось в Европе владычество народов Германских. В сию новую общую систему вошла и Россия» (Карамзин 1861: 3–4). Карамзин отнюдь не выставляет Россию как воплощение Востока, как страну азиатскую: «На степях Донских и Волжских кочевали орды Азиатские, способные только к разбоям» (Карамзин 1861: 7–8). Его нарратив превозносит право, мораль, Просвещение – европейские ценности:

Мы завоевали Финляндию: пусть Монитор славит сие приобретение! Знаем, чего оно нам стоило, кроме людей и денег. Государству для его безопасности нужно не только физическое, но и нравственное могущество; жертвуя честью, справедливостию, вредим последнему. Мы взяли Финляндию, заслужив ненависть Шведов, укоризну всех народов, и я не знаю, что было горестнее для великодушия Александра – быть побежденным от Французов или принужденным следовать их хищной системе (Карамзин 1861: 64–65).

Нарратив Карамзина даже обнаруживает и ставит в центр государства российский социальный контракт между властью и подданными:

Если бы Александр, вдохновенный великодушною ненавистию к злоупотреблениям самодержавия, взял перо для предписания себе иных законов, кроме Божиих и совести, то истинный добродетельный гражданин Российский дерзнул бы остановить его руку и сказать: «Государь! ты преступаешь границы своей власти: наученная долговременными бедствиями, Россия пред Святым Олтарем вручила Самодержавие Твоему предку и требовала, да управляет ею верховно, нераздельно. Сей завет есть основание Твоей власти, иной не имеешь; можешь все, но не можешь законно ограничить ее!» (Карамзин 1861: 55).

Этот навязывающий русским монархам самодержавие контракт может показаться – и справедливо – весьма причудливым. Но причудливость несколько не отменяет стремление вписать наблюдаемое свойство русского государства в европейские правовые концепции. Более того – в английские правовые нормы, ибо сформулированный общественный договор выражен как «неписанная конституция», выработанная самим историческим опытом и эффективно ограничивающая пределы монаршей власти и воли.

Карамзинский текст есть пример «беркианского дискурса» в русской культуре начала XIX века. В те годы работы Эдмунда Берка проникли в Россию и произвели фурор – от эстетических идей и до *Писем о Французской Революции*. И было бы весьма странным шагом видеть англофила Карамзина сторонником изоляции России и европофобом. Его текст продвигает европейские «развязки»: будьте терпеливыми и постепенными, принимайте в расчет традиции и историю, просвещайте людей шаг за шагом:

Наш Государь имеет только один верный способ обуздать своих наследников в злоупотреблениях власти: да царствует добродетельно! Да приучит подданных ко благу! Тогда родятся обычаи спасительные; правила, мысли народные, которые лучше всех бранных форм удержат будущих Государей в пределах законной власти. Чем? Страхом возбудить всеобщую ненависть в случае противной системы царствования. Тирани может иногда безопасно господствовать после тирана, но после Государя мудрого – никогда! (Карамзин 1861: 56)

Карамзинский текст направлен против утопических проектов, стремящихся все исправить прямо «здесь и сейчас», то есть вне истории, – в чем Николай Бердяев увидит родовую черту русской интеллигенции, если не вообще русских (Бердяев 2006: 113–114; 135–136). Черту, которая нашла свое выражение в «русских мальчиках» Достоевского.

Федор Достоевский – другой сложный случай русского консерватизма. Можно с легкостью найти на его страницах огромное число жестких антиевропейских пассажей. Но если поставить во главу угла нарративные стратегии, то мы увидим, что Достоевский раз за разом воспринимает Россию как страну европейскую: «А между тем нам от Европы никак нельзя отказаться. Европа нам второе отечество, – я первый страстно исповедую это и всегда исповедовал. Европа нам почти так же всем дорога, как Россия; в ней всё Афетово племя» (Достоевский 1983: 25: 23).

Как для Карамзина объектом критики был не Запад, а искусственный и утопический проект европеизации России, выполненной «здесь и сейчас», так для Достоевского – попытки русских западников вломиться в открытую дверь:

Вы начали с бесцельного скитальчества по Европе при алчном желании переродиться в европейцев, хотя бы по виду только (...). Еще до Петра, при московских еще царях и патриархах, один тогдашний молодой московский франт, из передовых, надел французский костюм и к боку прицепил европейскую шпагу (...). Кончилось тем, что они прямо обозвали нас врагами и будущими сокрушителями европейской цивилизации. Вот как они поняли нашу страстную цель стать общечеловеками! (Достоевский 1983: 25: 20–22).

В таких действиях Достоевский видит лишь надежный путь скомпрометировать собственные якорные точки. В диалогической поэтике Достоевского любые попытки выглядеть как кто-то другой, говорить языком кого-то другого – они бессмысленны. Как вести диалог с человеком, который не проговаривает своих слов? Как доверять такому человеку? Как понять молчащего или разговаривающего центоном из обрывков чужих фраз? Способ европеизации, избранный русскими западниками для построения «европейской России», в дискурсе Достоевского являет ошибочность: «Став самими собой, мы получим наконец об-

лик человеческий, а не обезьяний. Мы получим вид свободного существа, а не раба, не лакея, не Потугина; нас сочтут тогда за людей, а не за международную обшмыгу» (Достоевский 1983: 25: 23). Россия принадлежит к одному целому с Европой, но осуществляемая европеизация – катастрофа. Потому что русские западники увидели Европу в поверхностных элементах – отсутствии бороды, костюме, шляпе, шпаге... Они переоценили значимость технологических достижений для усвоения цивилизации, которая не в пароклодах, железных дорогах, паровых машинах, почтовой службе... Достоевский задается примечательным вопросом, звучащим более актуально для нас с нашей памятью о Холокосте и наличием движений типа Исламского государства или чуть подзабытого Боко Харам (cf.: Smith 2015: 56–60, 89; The Islamic State 2014: 23–26) – ‘кто доказал, что вчерашний варвар не способен использовать передовые достижения цивилизации? кто доказал, что варвар просвещается поездками по железной дороге?’ Важнейший вопрос для Достоевского, как и для Карамзина: сделала ли европеизация XVIII–XIX века Россию более гуманным местом с большим уважением к человеку? Или просто пиджачок цивилизный накинули сверху, но и тот шит не по мерке – что и знает носящий этот пиджак (ср. Баршт 2018: 44–48):

(...) отчего это, еще с самого моего детства, и во всю мою жизнь, чуть только я попадал в большое праздничное собрание русских людей, тотчас всегда мне начинало казаться, что это они только так, а вдруг возьмут, встанут и сделают дебаш, совсем как у себя дома. (...) я понимаю и то, что чрезвычайно приятно (о, многим, многим!) встать посреди собрания, где всё кругом, дамы, кавалеры и даже начальство так сладки в речах, так учтивы и равны со всеми, что как будто и в самом деле в Европе, — встать посреди этих европейцев и вдруг что-нибудь гаркнуть на чистейшем национальном наречии, — свиснуть кому-нибудь оплеуху, отмочить пакость девушке и вообще тут же среди залы нагадить: «Вот, дескать, вам за двухсотлетний европеизм, а мы вот они, все как были, никуда не исчезли!» (Достоевский 1983: 22: 10–11).

«Человеческое измерение» ему важнее технологий. Европеизация, какой она имела место быть, – объект, серьезно критикуемый Достоевским. Но сопротивление собственно с Европой никогда не было ключевой темой писателя.

Значит ли это, что русский консерватизм XIX века не знает каких-то более радикальных версий, нежели у Карамзина и Достоевского? Естественно, они есть. Например, *Россия и Европа* Данилевского. Центральное положение этого публициста следующее: у России и Европы нет ничего общего, кроме пространственного соприкосновения, – они абсолютно разные миры:

(Европа) есть только поприще великой германско-романской цивилизации, ее синоним (...). Принадлежит ли в этом смысле Россия к Европе? К сожалению или к удовольствию, к счастью или к несчастью – нет, не принадлежит. (...) она не причастна ни европейскому добру, ни европейскому злу (Данилевский 1991: 59–60).

Но если взглядеться внутрь этих очень жестких формулировок, то в их глубине мы увидим травму и обиду – за невключение в «хор Империй». Причем это обида не далекого, а очень близкого:

Одна либеральная реформа следовала за другой. На заграничные дела оно не оказывает уже никакого давления. Этого мало, оно употребляет свое влияние в пользу всего ли-

берального. И правительство, и общественное мнение сочувствовали делу Северных Штатов искреннее, чем большая часть Европы. Россия из первых признала Итальянское королевство и даже, как говорят, своим влиянием помешала Германии помогать неправому делу. И что же, переменялась ли хоть на волос Европа в отношении к России? (Данилевский 1991: 49).

Что странного и обидного в непонимании, в искажении, в тенденциозности, допускаемых дальним? Но в том-то и дело, что Н.Я. Данилевский дальним по отношению к Европе никогда и не был. Выпускник Царскосельского лицея, слушатель факультета естественных наук Санкт-Петербургского университета, фюрерист, арестант по делу Петрашевцев... Данилевский – тот же самый описанный Достоевским «русский фронт», только от обиды выбросивший саблю, ибо ее ношение не помогло его признанию «старой Европой». Радикальный протест Данилевского взращен в рамках европеизаторской парадигмы Петровских реформ, отождествивших Просвещение с технологической мощью.

Странный парадокс: русский консерватизм XIX века, быть может, самое значимое про-европейское движение в России, во всяком случае – единственное, которое внимательно пыталось осмыслить сходства и различия России и ее западных соседей, чтобы вместо тиражирования получившейся на базе Петровских реформ химеры ‘Русской Европы’ начать серьезный диалог. Вряд ли стоит оставлять без внимания их видение русско-европейских отношений, равно как и вырывать отдельные, наиболее плакатные и резкие высказывания из созвучий эпохи, биографии и творчества того или иного публициста.

Библиография

- Baron, S.H. (1986). *European Images of Muscovy. History Today* (August).
- Baršt, K.A. (2018). Počvenničestvo F.M. Dostoevskogo kak èlement russkoj religioznoj reformacii v sbornike «Iz glubiny». *Filosofičeskie piš'ma: Russko-evropejskij dialog*, 1: 41–57 [Баршт, К.А. Почвенничество Ф.М. Достоевского как элемент русской религиозной реформации в сборнике «Из глубины». *Философические письма: Русско-европейский диалог*, 1: 41–57].
- Berdâev, N. (2006). *Mirosozercanie Dostoevskogo*. Moskva: AST [Бердяев, Н. (2006). *Мирозерцание Достоевского*. Москва: АСТ].
- Bilington, J. (1970). *The Icon and the Axe*. Vintage Publishing.
- Danilevskij, N.Â. (1991). *Rossiâ i Evropa*. Moskva: Kniga [Данилевский, Н.Я. (1991). *Россия и Европа*. Москва: Книга].
- Dostoevskij, F.M. (1983). *Polnoe sobranie sočinenij: v 30. tomah*. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie [Достоевский, Ф.М. (1972–1990). *Полное собрание сочинений: в 30. томах*. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение].
- Figes, O. (2002). *Natasha's Dance: a Cultural History of Russia*. Metropolitan Books.
- Fletcher, G. (1591). *Of the Russe Common Wealth. Or, Maner of Gouvernment of the Russe Emperour, (Commonly Called the Emperour of Moskouia) with the Manners, and Fashions of the People of that Countrey*. London.
- Freeze, G. (2009). *Russia: a History*. Oxford UK: Oxford UP.
- The Islamic State of Iraq and Syria* (2014). Charles River Editors.
- Ivahnenco E.N. (1999). *Rossiâ na «porogah»: idejnye konfrontacii i «porogi» v tečeniâh russkoj religiozno-filosovskoj i političeskoj mysli (XI – nač. XX v.)*. Sankt-Peterburg: RGPU im. A.I. Gercena

- [Ивахненко, Е.Н. (1999). *Россия на «порогах»: идейные конфронтации и «пороги» в течениях русской религиозно-философской и политической мысли (XI – нач. XX в.)*. Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена].
- Kanunova, Z.F. (1975). *Karamzin i Stern. XVIII vek*. Т. 10. Leningrad: Nauka. Leningradskoe отделение: 258–264 [Канунова, З.Ф. (1975). *Карамзин и Стерн. XVIII век*. Т. 10. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение: 158–264].
- Karamzin, N.M. (1861). *O drevnej i novej Rossii v eâ političeskom i graždanskom otnošeníâh*. Berlin: Ferdinand Schneider [Карамзин, Н.М. (1861). *О древней и новой России в ея политическом и гражданском отношениях*. Берлин: Ferdinand Schneider].
- Okenfuss, M.J. (1995). *The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-Modern Russia: Pagan Authors, Ukrainians, and the Resilience of Muscovy*. Brill.
- Possevino, A. (1977). *The Moscovia of Antonio Possevino*. Pittsburg: Pittsburg UP.
- Raef, M. (1986). *Moscow Looks West. History Today* (August).
- Smith, M. (2015). *Boko Haram: Inside Nigeria's Unholy War*. London–New York: I.B. Tauris.
- Trubeckoj, N. (1925). *Nasledie Čingishana: vzglâd na russkuû istoriû ne s Zapada, a s Vostoka*. Berlin: Evrazijskoe knigoizdatel'stvo [Трубецкой, Н. (1925). *Наследие Чингисхана: взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока*. Берлин: Евразийское книгоиздательство].